

Марина Москвина

УЧИСЬ СЛУШАТЬ

Содержание

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Содержание

От автора	7
«Боже мой! Кому она все это говорит?!»	10
Явление целаканта народу	24
«К вам обращается высший разум Вселенной!»	37
«Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?»	51
Мир входящему!	68
«И в небе, и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио!»	83
Дом без границ	100
Обычный рабочий момент	116
«Воспоминание об Альгамбре»	134
«Юри-и-и-ик!!!»	151
В лучах чужой славы	175
Во лузях, во лузях расцвели цветы лазоревые... ..	195
Чего тебе надобно, Рина?	214
Рина Зеленая. XX век	234
Я сияю!	256
Зима с Декартом	277
«It's a time, time, time to love...»	291

«Вместо того чтобы делать детей»	307
«Сердце — трудага простой...»	332
Немного практики.....	346
Леонид Бахнов «Все ерунда, кроме свинга».	
Интервью с Мариной Москвиной	348

*Ты умеешь слушать,
и я иногда сам узнаю о себе
нечто новое из моих рассказов.*

Федерико Феллини

Мир полон звуков, он живой и коммуникабельный. В нем все звучит, окликает нас, подает сигналы. Правда, большинство из них мы уловить не способны. Царь Соломон понимал язык зверей, святой Антоний проповедовал рыбам. Наши предки, коснувшись ухом травы, за сто верст чуяли приближение всадников.

Как-то древнегреческий философ и математик Пифагор, гуляя вдоль реки, поприветствовал ее. Река ему ответила — внятно и при свидетелях: «Здравствуй, Пифагор!»

Для меня это не просто знак родства всего живого на Земле, но еще и окрыляющий опыт. Я коллекционер голосов, собиратель шума морского прибоя и стука башмаков по дороге. Я иду рядом со своими героями, записываю на диктофон их рассказы и пение птиц над нашими головами. Десять лет за мной гуськом следовали мои ученики с факультета журналистики Института современных искусств, осваивая великую тайну слушания, и в конце концов научились говорить сами.

Так возникла книга «Учись слушать» — мой путевой дневник, на его обложке захотелось мне написать картину — огромное ухо в космосе. Но я побоялась, если я напишу такое ухо в своем наивном духе — получится или страшно, или смешно. А это не тот эффект, на который я рассчитываю.

Тогда я решила нарисовать большую раковину морскую, опять же в космосе.

В Японии с такой ракушкой «небесные почтальоны» поднимались на вершины гор и громогласно трубили, привлекая внимание богов. А потом прилежно передавали все, о чем их просили люди в долине.

Но раковина, изображенная мной, все равно символизирует ухо. Пусть это будет ключ и буква, сигнал, предвестие, пароль, намек и след, знамение и герб моей неведомой страны всепроникающего видения и слуха.

Историями о ней я бы хотела поделиться с вами, дорогой читатель.

Чуть не сказала *слушатель*...

Фото Леонида Тишкова

Наудачу полистав хрестоматию Фриша с гимнами Ригведы, отрывками Бхагаватгиты, Махабхараты, Рамаяны и Упанишад, изданную моим семинаристом, а ныне досточтимым индологом Марцисом Гасунсом, ныряя за каждым не то что словом, а слогом — в санскритский словарь, случайно, поверьте, я обнаружила интересную вещь:

śravaṇa — ухо, слушание, предание

śrāvaka — ученик (то есть одно большое Ухо).

И многие слова древнего санскрита на той странице словаря имели тот же корень, а от него, мне показалось, всходило множество лучей в понятия куда более абстрактные — «предание», «слушание», «хвала» и «откровение», «звук» и «зов».

За разъяснением по старой дружбе я обратилась к Марцису, он мне ответил:

«Глагольный корень "śru" (шру) в санскрите означает слышать. В русском языке слово "слыть" содержит тот же корень, впрочем, как и в латинском "cluo" и древнегреческом языке "κλύω". Это седьмой по употребительности глагол в древнеиндийском эпосе "Махабхарата". Больше слушания индусы только ходят, смотрят, сидят, существуют, — любят поговорить, но умеют и послушать. Кстати, в Индии впервые в мире придумали цифру ноль. Неудивительно, что нигде на белом свете нет столько молчалников. Тут знают ценность слова. Не бывает дерева без тени, общения без слушания. Хвала хранителям слова, свасти!»

«Боже мой! Кому она все это говорит?!»

Как я люблю радио! За звуками музыки и голосов угадывается потрескивание эфира, безмолвие бездонной и беспредельной Вселенной. Иногда мне хочется слушать только это вечное потрескивание и безмолвие, потому что слова в эфире — очень странная штука, практически непостижимая.

Во-первых, всякий раз приходит мысль: кто ты такой, чтобы нарушать вечную прекрасную тишину? Действительно ли тебе есть что сказать миллионам и миллионам людей? Окликнуть — каждого в отдельности, прямо в его доме, или в пути, или бог еще знает где и при каких обстоятельствах.

Скажем, просветленные Учители, явившие себя миру в нашу эпоху, чаще всего отказываются выступить по радио.

— Нужно видеть лица тех, кто тебя слушает, — объясняют они, — тогда понимаешь, что должно быть произнесено в *это самое мгновение для этого человека*.

Конечно, в студии перед микрофоном ты не видишь своих собеседников, не знаешь, чем они заняты, какое у кого настроение. Однажды на мое имя пришло письмо:

«Под вашу передачу мне стал близок хороший мужчина — инструктор из Йошкар-Олы...»

Или один человек писал мне письма из тюрьмы. Вот он рассказывал, что в тот момент, когда начиналась передача «В компании Марины Москвиной», заключенных выводили на прогулку в тюремный двор — там на столбе вещал громкоговоритель. Все ходили по кругу, слушали и в финале расходились по камерам.

А корреспондент журнала «Северное сияние» сообщила, что в тундре эту передачу любят слушать чукчи-оленьеводы. Они знают, когда начало, собираются в чуме, включают транзисторный приемник и — пых-пых! — раскуривают свои трубочки.

Радио — загадочное слуховое окно, прореха в крыше, узенькая щелочка — через которую к тебе умудряются просочиться звезды с луной, зелень и синева, целый мир, гудящий, словно пчелиный улей.

Как бы глубоко ни проникли мы в его технологию — это вещь таинственная, мистическая. Английский инженер Оливер Джозеф Лодж, которого земляки считают «настоящим изобретателем радио», увлекался спиритизмом. В возрасте восьмидесяти лет он объявил, что собирается после смерти по радио послать весточку с того света. Он сочинил текст и оставил кому-то из друзей, чтобы можно было сравнить его с полученной радиограммой.

Александр Попов говорил, что сконструировал прибор, который, реагируя на электромагнитные волны, заменил недостающие человеку электромагнитные чувства.

Почему-то мне кажется, это налагает на нас особую ответственность.

Есть даже такой анекдот:

— Дедушка, говорят, вы наконец-то купили телевизор.

— Да, правда.

— Ну и как?

— Прекрасная вещь. Включишь, устроишься напротив, закроешь глаза — и полное впечатление, что слушаешь радио.

А мамин отец, дед Степан, просил, чтобы к нему на могилу обязательно провели радио:

— Кто-нибудь придет — послушает...

Картина мира, которую показывает радио, не так однозначна. Ее не поверить алгеброй, она более абстрактна, более поэтична, чем на экране телевизора, здесь действует размытая логика и пересекаются параллельные линии.

Мои родители, Люся слевой, познакомились на радио, так что радиоволны пронизывали меня еще до зачатия. Люся работала в молодежной редакции, Лева — в «международной жизни».

Я с детства не понимала, где можно работать, кроме как на радио. Приемник у нас на кухне разговаривал бодрим маминим голосом. Когда она уезжала в командировку на целину или в шахты Донбасса, из дальних городов и весей в Москву на перекладных стремительно доставляли ее ликующие интервью и репортажи, а мы с бабушкой краем уха прислушивались, ловили в эфире — как Люся там, *кто ей целует пальцы...*

В 1957 году она утирала слезы Симоне Синьоре, повздорившей с Ивом Монтаном на первом Международном фестивале молодежи и студентов в Москве, даже отдала плачущей легенде французского кинематографа свой сухой носовой платок. А кружевной платочек в слезах Симоны Синьоре более полувека лежит у нас на книжной полке в книге Ива Монтана «Солнцем полна голова»!

Первой, кого увидела в июне 1963 года на пути в родной городок Валентина Терешкова, единственная женщина тогда на Земле, побывавшая в космосе, это нашу Люсю с микрофоном.

Было заранее условлено, что на Минском шоссе, не доезжая до Ярославля, Терешкову как будто остановит народ, хлынувший от избытка чувств навстречу. В назначенный час толпы земляков с духовым оркестром двинули вдоль шоссе. Ну и, видимо, хотели как лучше — львиную долю пути в тот день покрыли дымящимся черным асфальтом.

Прибыли радио, телевидение, а Терешкова запаздывает. Стало припекать. Внезапно по рации пронеслось:

— Едет! Едет!

Камеры на изготовку, на середину шоссе выплывает дородная женщина в кокошнике с хлебом-солью на расписном полотенце. Естественно, дорога свободна, ведь никаких других машин сюда не пропускают.

В конце концов, словно мираж в раскаленной пустыне, возникает автомобиль, рассказывает Люся, самой лучшей марки, какая только была на нашей Родине. За ним почетный эскорт. Включаются камеры, микрофоны! Вся эта кавалькада подъезжает. Распахивается дверь — появляется ножка в туфельке на каблучке, вторая ножка, юбочка. Выпархивает наша Валя Терешкова. И — о ужас! — шагу не может ступить. Жара, свежий асфальт, она увязла в туфельках на каблучках, как мотылек в янтарной капле.

Все кинулись доску искать, чтобы легендарная женщина-космонавт смогла перейти через дорогу, здесь же не космос! А Люся подлетела к ней в своих непотопляемых «лодочках» с магнитофоном и в такой напряженной обстановке взяла у Валентины Терешковой эксклюзивное интервью.

...Та только попросила свои первые фразы в эфир не давать.

А незабываемый случай, когда наша Люся в 70-х ездила в Горный Алтай к знаменитейшей женщине-чабану! Потомственный чабан в пятнадцатом колене, орденоносец, депутат Верховного Совета, у нее и муж чабан, и маленькие дети уже мечтали стать чабанами, короче, идеальный Люсин собеседник, герой программы «Трудовые резервы».

Вот Люся едет на поезде, летит на вертолете, несется в грузовике по горному серпантину, карабкается на скалистую кручу. С громадным трудом отыскивает свою героиню на высокогорном пастбище, включает магнитофон и говорит:

— Уф! Я приехала к вам из Москвы, ваша слава как чабана донеслась до столицы, такой вы прекрасный и знатный специалист, мастер своего

дела. Говорят, ваши предки чуть ли не до пятнадцатого колена были чабанами? Это правда?

Та отвечает утвердительно:

— Ну!

Люся:

— Значит, ваша прославленная трудовая династия не первый век трудится на этой ниве?

Та отвечает:

— Ну?!

— А ведь, в сущности, — говорит Люся доверительно, — это совсем не женская профессия! Больше месяца вдали от дома, в одиночестве, кругом лес, волки. Вам бывает страшно?

— Ну?! — отвечает ей женщина-чабан.

— Но вы все-таки любите горы, свои стада и плывущие по этим зеленым пастбищам облака?

— Ну?.. — мечтательно произносит Люсина героиня.

— А вот вы еще ведете большую общественную работу. Шутка ли — депутат от всего Алтайского края! *Они*, наверное, скучают, когда вы уезжаете на заседания Верховного Совета? — и Люся показала на овец.

— Ну?! — женщина-чабан улыбнулась...

— А ваши дети — тоже будут чабанами?

— Ну!..

А туман уже ложится на вершины гор, зажглись первые звезды. Где-то вдалеке послышался волчий вой. Тут водитель грузовика говорит Люсе:

— Закругляйтесь, поехали обратно, туман, плохие дороги, пора спускаться вниз.

Фото Аркадия Ревенко

Март, 1958, г. Шахтерск Донецкой области, ударная комсомольская шахта «Винницкая», сооруженная в 1957 г. и досрочно выдавшая на-гора первые тонны угля. Могла ли туда не устремиться моя Люся?

«Туристы, — она говорила, — будто перелистывают альбом с видами городов или стран, где они бывают. Надо пожить в Михайловском, в Париже, пожить и поработать, и, разумеется, влюбиться, только тогда можно подметить и написать что-то стоящее. Поэтому мне так дорог веймарский кабачок “Гете”, где довелось поболтать с барменом, рабочим, старым больным и никому теперь не нужным солдатом. Где неожиданно подсел ко мне за столик архивариус — хранитель из архива Гете и Шиллера. Мы пили с ним пиво и читали Гейне наизусть. А лодочник, сидевший по соседству, катал меня потом на лодке по реке Ильм».

Тогда Люся напоследок, в отчаянии:

— А вот ваши внуки, неужели и они станут чабанами?

— НУ?! — услышала она в ответ.

Люся выключила магнитофон и отправилась в обратный путь.

Она вечно уносилась в неведомые дали, месяцами по колдобинам тряслась в пропыленном «газике», записывая на пленку всех и вся на своем пути.

Однако благодаря радиоточке у нас дома был абсолютный эффект ее присутствия. Так что королевский пудель Марчелло, заслышав позывные радиостанции «Юность», бросался к приемнику, яростно его обнюхивал и озабоченно укладывался под ним, шевеля ушами и постукивая хвостом. Видимо, из радиоточки доносился не только Люсин голос, но и ее неуловимый запах.

Порой она звонила из какого-нибудь заштатного городка и кричала нам — через реки, горы и долины:

— Как вы, мои дорогие? Скучаю ужасно!

Всегда интересовалась, какой стул у Марчелло.

— Почему ты никогда не спрашиваешь, какой стул у бабушки, какой стул у Марины? В конце концов, у меня?! — возмущался Лев.

В свободное от работы время он обучался игре на аккордеоне, разучивал популярные песни. Как бесценную реликвию храню я нотную тетрадь времен его бесшабашной молодости. Чьей-то уверенной рукой простым карандашом красивым почерком записаны там ноты «Подмосковных вечеров» Соловьева-Седого, песенки «Пять минут», «За фабричной заставой» Фрадкина («темп вальса!»), «Уральская рябинушка» Родычина («не спеша, певуче!»)...

Но самый хит был у нашего Льва — это песня «Любовь пожарника». Он так лихо ее наигрывал — и мелодию, и басы:

*День сегодня такой лучезарный!
Каска медная тонет в луче!
Ах, вот в этой сияющей каске
Ходит милый мой на каланче!..*

— Хо-хо! — восклицала бабушка.

— ...Какими славными песнями порадовали нас жители села Мокроусово, — доносился из радиоприемника голос нашей Люси.

И вот я в один прекрасный день явилась на радио с первой записью, вошла в студию и на большом станке (в 80-х годах ведь не было компьютеров!) начала монтировать пленку. Раньше очень сложно было монтировать, сплошь механическая работа, причем ювелирная. Отрезал — подклеил ацетоном, отрезал — склеил, весь дрожа. Чутьочку промахнулся — и все загубил! Особенно сложно в середине фразы выкинуть лишнее слово и не «зарезать» соседнее, да соединить интонацию... И все-таки я сама сварганила свою радиопередачу, хотя в университете училась на газетном отделении.

Все страшно удивились. Кто-то сказал:

— Ну, Люськина дочка! Она это всосала с молоком матери.

Учиться журналистике легко. Недаром у нас на факультете через одного были спортсмены и балеруны, коим наставала пора покинуть сцену. А на вечернее и заочное отделение принимали абитуриентов без ограничений в возрасте. Естественно, при окончательном конкурсном отборе предпочтение отдавалось героям войн и даже революций.

Был мифологический случай, когда на заочное не приняли-таки участника Великой Октябрьской революции, хотя ему достался на экзамене билет по Гражданской войне и он блистал познаниями: разные детали всплывали, известные ему одному как очевидцу событий.

А в заключение он сказал:

— Ух, мы этим красным тогда показали!!!

...И возникает парадокс: учиться легко, а научиться невозможно. Тут есть один секрет — всего ничего: надо быть *живым*.

Я вспоминаю журналиста и поэта Александра Аронова — ему я обязана одной из первых своих публикаций, в «Московском комсомольце».

Иду как-то, вижу, он стоит на Пушкинской улице. Александр-то Яковлевич меня не узнал, конечно, нас у него таких много было, кому он помог опубликоваться... А я прохожу и получаю в подарок удивительную фразу, незабываемую. Если человек готов, — услышав подобное, вполне можно обрести внезапное, глубокое и полное просветление.

Так вот, он произнес:

— Живым бы быть, а остальное все х..!

И я так обрадовалась: попал в самую точку.

Что ж это такое — быть живым?

И какой-то древний мудрец отвечает мне через века:

— Самое близкое знакомство и самое глубокое поклонение — вот что такое жизнь.

С тех пор я с особенным трепетом внимаю мудрецам. И всячески транслирую это по радиоприемникам нашей страны. Хотя мой сосед, писатель Владислав Отрошенко, порой упрекает меня:

— Излагаешь такие вещи, — с грустью говорит он, — которым в древние времена имели право внимать только брамины. Шудрам* в это время закрывали ладонями уши.

А директор съемочной группы фильма «Ричард Львиное Сердце» Люба (фильм снимали в Крыму, в Коктебеле, мы с ней жили в одном коттедже в Доме творчества писателей и любили посидеть на закате за рюмочкой коньяка и черешней с абрикосами), встретив меня случайно в театре, в Москве, издали закричала:

— Я все время слушаю твои передачи! И думаю: «Боже мой! КОМУ она все это говорит?!!»

* Брамины, шудры — высшая и низшая варны (сословия) индуистского общества. *Прим. ред.*

*

Радио — неотъемлемая часть нашего бытия, мы до того к нему привыкли, что даже порой иронизируем, как польский поэт Юлиан Тувим. «Радио, — говорил он, — чудесная штука: одно движение пальца, и ничего не слышно».

А между прочим, радио появилось совсем недавно, чуть больше века тому назад. Сколько открытий предшествовало его появлению! Какие люди их совершали!

«В фантастических романах, — читаем у Ильи Ильфа, — главное было радио. При нем ожидалось счастье человечества». И добавил: «Вот радио есть, а счастья нет». Но радио тут совсем ни при чем.

Что характерно, в каждой стране есть собственный «изобретатель радио».

Первым патент на беспроводную связь получил американский дантист Малон Лумис. На воздушных змеях он запустил в небо две антенны: одна играла роль передатчика, другая — приемника, они парили, ничем не связанные, и взаимодействовали между собой! Это был волшебный аттракцион.

В Германии основоположником радио считают Генриха Герца, в Англии — физика Оливера Лоджа; свой «изобретатель радио» в Белоруссии, Индии и Бразилии...

В Америке их даже трое! Легендарный Томас Эдисон со своим «способом передачи электрических сигналов» во время Большой снежной бури в США в 1888 году помог наладить связь с занесенными снегами, терпящими бедствие поездами; профессор музыки и преподаватель физики, инженер и музыкант Дэвид Хьюз (он изобрел микрофон); третий — повелитель молний и природных стихий Никола Тесла.

Но все же главные герои — итальянец Маркони и русский инженер Александр Попов.

Кое-кто утверждает, что приемник Маркони повторял приемник Попова, только находчивый итальянец подключил его к телеграфному аппарату, а передатчик соединил с ключом Морзе, и в результате возникла радиотелеграфическая связь. Но поговаривают, что Попов о таком подключении и сам позаботился. Поэтому ласково называют Маркони англо-итальянским Поповым.

Что ж, в истории великих изобретений известны случаи, когда обитателей весьма отдаленных друг от друга стран (не только ученых — священников, фермеров, порой совершенно случайных людей!) одновременно осеняла одна и та же идея. И тут уж, как говорится, кто быстрее добегит до патентного бюро.

В 1909 году Маркони присудили Нобелевскую премию по физике «в знак признания его заслуг в развитии беспроволочной телеграфии». Жаркие споры, кто главный «изобретатель радио», не утихают по сей день. Зато необходимость самого изобретения не вызывает ни малейших сомнений.

С помощью радиотелеграфа чуть не в момент его появления были спасены команды и пассажиры потерпевших кораблекрушение пароходов, в том числе севшего на мель броненосца береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин»; обмен радиограммами с ледоколом «Ермак» сохранил жизни рыбаков, унесенных на осколке льдины в Финский залив. И многие чудеса произошли благодаря появлению радио, включая спасение пассажиров тонущего «Титаника», а также экипажа затерянного в Арктике дирижабля «Италия».

С 1904 года ВМС США ежедневно передавали в эфир сигналы точного времени и сообщения о погоде — азбукой Морзе.

В 1906 году канадец Реджинальд Обри Фессенден совершил новый прорыв: в эфире зазвучала человеческая речь. Звук искаженный, помехи, слов не разобрать — не важно! Именно Обри — праотец радиожурналистики.

Накануне Рождества, 24 декабря 1906 года, Фессенден выступил с короткой радиопрограммой. В ней прозвучала песня «O, Holy Night!» в его собственном исполнении на скрипке, а также чтение отрывка из Библии.

Подозреваю, что несколько судовых радиооператоров на кораблях, бродивших вдоль атлантического побережья, по счастью, услышавших эту передачу, вряд ли смогли оценить ее по достоинству. Но мы с вами, истинные любители радио, возблагодарим первопроходцев эпохального марафона, открывших эру беспроводного общения.

Текст об изобретении радио я решила на всякий случай послать в Тулузу моему другу из Института астрофизики и планетологии Андрею Федорову — проверить, так это было или не так? Не упростила ли я сам процесс этого удивительного открытия?

И получила такой ответ.

«Мариночка!

Все, в общем, правильно, и в то же время совсем неправильно, так как ты, может быть, не видишь скрытого внутреннего стержня, на который насажены все эти истории. Я тебе покажу этот стержень, а ты сама решишь, как его использовать.

Интересно, что авиацию, на первых порах, создавали не ученые, а энтузиасты. А почему? Да потому, что все и так знали, что летать возможно. Летают же птицы.

А вот для передачи сигналов на расстояние, без каких-либо видимых штук между приемником и передатчиком типа веревочек, проводов и т. д. нужно знание, что есть нечто невидимое, что может связать две проволоочки с электрическим током на расстоянии.

И это нечто невидимое было найдено Майклом Фарадеем в 1830-м, и называлось оно “электромагнитная индукция”. Тут разные

изобретатели, включая Эдисона, очень возбудились и стали думать, как это использовать на очень коротких расстояниях.

Например, между поездом и идущими вдоль железной дороги телеграфными проводами.

Эдисон придумал, но не смог продать, и только в снежную бурю прижимистые железнодорожники вспомнили о нем. Однако это было еще совсем даже не радио.

А вот в 1861-м Джеймс Максвелл понял, что же в реальности обнаружил Фарадей. И написал статью, из которой следовало, что “электромагнитная индукция” должна распространяться в виде волн (ну совсем как звук) на бесконечные расстояния. И никакой воздух для этих волн не нужен.

Все сказали: “гениально, но мы ничего не поняли”.

Только к концу 1870-х до особо одаренных наконец что-то дошло. И профессор Гельмгольц написал Генриху Герцу: “Дорогой ученик, я придумал тему для твоей докторской диссертации — докажи экспериментально, что электромагнитные волны существуют”. Герц сделал источник таких волн и приемник. И когда он включал источник, то в приемнике проскакивала искорка. И он доказал, что то, что он видит, это действительно волны, как на воде или как звук в воздухе. И называли их “волны Герца”.

Тут очень важно, что ни Максвелл, ни Герц никакого радио не изобретали. Когда журналисты спросили Герца, имеет ли его аппарат будущее, он ответил: “Я ничего не изобретал. Я сделал эксперимент для подтверждения теории Максвелла. Теперь все знают, что Максвелл был прав. Никакого практического применения у этих волн никогда не будет”. А между тем дело было сделано: все увидели, что птицы летают.

Но радиотелеграф на искорке Герца сделать было нельзя. Нельзя посадить к приемнику мальчишку, который бы кричал: “Искорка,

опять искорка!” Нужно было что-то, что теперь называется “детектор”. Пришла волна — бряк, загорелась лампочка или карандаш опустил-ся на телеграфную ленту. И детектор был изобретен, и у него, как ни смешно, был только один автор — Эдуард Бранли (француз). Все. Птицы залетали стаями.

Бранли показал детектор (он его называл “когерер”) на заседании Физического общества, где присутствовали “лекторы по распространению” (и Оливер Лодж, кстати).

Очень скоро везде стали демонстрировать популярные опыты по генерированию и детектированию “волн Герца”. Тут-то и пришло время Попова, Маркони и еще сотен остальных энтузиастов, которые подключали “когерер” к телеграфному аппарату, строили передатчики, антенны и т. д. Именно поэтому приемник Попова ничем не отличается от приемника Маркони. Они видели одних и тех же птиц, парящих в небе.

Андрей».

Фото Владислава Ефимова

Явление целаканта народу

Из пяти элементов бытия — земли, огня, воды, воздуха и мистической акаши* — мне ближе всего эфир.

Эфир открывает бездну возможностей. Я хотела бы танцевать по радио. Петь, смеяться, молчать. Мне хочется по радио поцеловать мир.

У меня был друг: он как выпьет, придет, устроится на диване и что-то рассказывает часами — по-доброму, с любовью. Но он не давал себе труда артикулировать. А я сидела и *ВСЕ ЭТО* слушала блаженно.

Была б моя воля, я сделала бы такую программу — блаженство в чистом виде. Но ее вряд ли пропустили бы. Поэтому два моих верных соратника, талантливейший журналист и редактор Жанна Переляева, а также Феллини эфира — режиссер Виктор Трухан, отважно прокладывали дорогу между нашим кайфом и настороженностью начальства Всесоюзного радио.

По этому поводу мы сочинили маленькую дорожную песенку:

*Один шаг в сторону,
И все они придут.
Весело жить
Они нам не дадут.*

* Акаша в индуизме — сверхчувственная духовная сущность, наполняющая пространство. *Прим. ред.*

Припев:

Весело, весело, жить нам не дадут...

Весело, весело, жить нам не дадут!..

Передачу мы назвали просто и скромно: «В компании Марины Москвиной».

Хотя Люся не разрешила мне так называть программу.

— Имей совесть, — сказала она. — Есть звезды и более первой величины, чем ты.

Тогда я предложила ряд иных названий: «Фонендоскоп», «Выпуклость», «Мастодонт», «Слуховое окно», «Сногшибательное рядом»... Кто-то предложил назвать передачу «Можно!».

«Мастодонт» был отвергнут без малейших колебаний, мол, в этом случае заслуженные деятели науки и культуры вряд ли согласятся участвовать в нашей затее.

«Фонендоскоп» с «Выпуклостью» тоже почему-то не подошли. Название «Можно!» не рассматривалось как очевидная иллюзия. Сверху нам было спущено «У самовара», с чем, в свою очередь, никак не соглашалась моя душа. И мы опять затоптались около «В компании...».

Этого не одобрял и мой гуру, поэт Яков Аким. «От подобного названия, — произнес он задумчиво, — веет чем-то вечным...»

Однако я уже знала: ни от чего не веет вечным. Как в старой доброй английской пословице: «Увидим», — сказал слепой; «Услышим», — сказал глухой, «До всего доживем!» — сказал покойник на столе.

В памяти всплыли мои скандальные дебюты. Первая в жизни публикация в «Вечерней Москве». Я еще училась в школе, там у нас был клуб интернациональной дружбы с Индией — имени Рабиндраната Тагора, и как раз мы лихорадочно ожидали прибытия сановитых индийских гостей. От этого многое зависело — поездка в Индию активистов клуба и прочее.

На фото Владислава Ефимова мы видим окно.

В приоткрытой форточке радиотранслятор — словно окно в мир. Получается — как бы два окна. Первое — в мир видимый, а второе — в мир слышимый.

Удивительная вещь: на крыше противоположного дома купол телескопа.

А это уже третье окно — в космос.

Объятые волнением, взбудораженные, взвинченные, разгоряченные, считали мы дни, часы и минуты до их приезда. И это, конечно, на нервной почве меня угораздило в своей заметке перечислить на пару-тройку гостей больше, чем, собственно, предполагалось.

Причем самое удивительное не то, что в моем воображении в школьный клуб имени Рабиндраната Тагора на Варшавке уже летели очертя голову Радж Капур, Индира Ганди, Джавахарлал Неру и чуть ли не Махатма Ганди чемоданы паковал. А то, что статья была напечатана без всяких поправок и сокращений.

Страшно гордая, принесла я газету в школу и вручила ее руководителю клуба — энтузиасту, общественному деятелю, учительнице английской литературы Валерии Федоровне Быковой. Я ждала почестей, славы, что меня первой занесут в список избранных для поездки в Индию...

Каково ж было мое удивление, когда эта замечательная женщина добрейшей души, бросив только взгляд на мой опус, впала в неопишное волнение и, не откладывая в долгий ящик, созвала собрание в актовом зале. От первого класса до последнего сняли с уроков. Позвали директора, завуча, всех учителей...

И Валерия Федоровна, вскинув над головой газету, как всадник — обнаженную шашку на всем скаку, вскричала:

— Товарищи! Во вчерашней «Вечерней Москве» напечатана статья «Несчастье алмазов в Индии чудесной...» Москвиной из 10 «Б». Так вот — это «политическая утка»! *НЕ ВЕРЬТЕ НИ ОДНОМУ ЕЕ СЛОВУ!!!*

Окончив университет, я стала колумнистом газеты «Московская правда», мне дали колонку на третьей полосе, чтобы я рассказывала обо всем, на мой взгляд, знаменательном в жизни города.

В поисках материала я забрела в Зоологический музей на улице Герцена, куда Верховный революционный совет Мадагаскара, положив конец неокOLONиалистскому режиму и провозгласив Хартию малагасийской

социалистической революции, в знак дружбы и любви к Советскому Союзу прислал самое дорогое, что у них было: выловленную у африканских берегов, практически не существующую уже на нашей планете реликтовую кистеперую рыбу. Такие гигантские рыбы из отряда целакантовых чуть не 400 миллионов лет назад бороздили океаны и считались вымершими в конце мелового периода, приблизительно 70 миллионов лет назад.

Находка живой кистеперой рыбы для человечества была столь же ошеломляющей, как если бы произошла встреча с живым и свежим динозавром. Это открытие в 1938 году совершила мисс Марджори Куртене-Латимер, обитательница африканского городка Ист-Лондон, где она создала скромный музей на основе стареньких маминых платьев и украшений. Биолог, орнитолог, ихтиолог, основатель Ассоциации южноафриканских музеев, городских Исторических обществ и Ассоциации дикорастущих цветов, учредитель птичьих и ландшафтных заповедников, почетный доктор Родезийского университета, почетный гражданин Ист-Лондона, писательница, скульптор и художник!..

Вот с кем бы я с удовольствием сделала радиопередачу! Да что передачу... Позови меня Марджори куда-нибудь — на остров Птиц или в плавание на Коморские острова, я бы за ней в огонь и в воду, до того выдающийся человеческий экземпляр.

Явление целаканта народу считается самым солидным зоологическим открытием XX века и всей жизни мисс Латимер. Похоже, за девяносто семь лет она так и не удосужилась выйти замуж. Ископаемый кистеперый целакант для нее затмил целый мир. Он стал для нее опорой и отрадой, счастьем и судьбой. Никто не выдерживал с ним никакого сравнения. В свои девяносто шесть Марджори с мечтательной улыбкой рассказывала в интервью:

— Это было самое удивительное существо, какое я когда-либо встречала!

Она умерла по чистой случайности, подхватив воспаление легких, иначе жила бы вечно. Ее встретила на небесах и унесла в голубые дали сияющая душа целаканта.

В Екатеринбурге — через дорогу от гостиницы увидела одноэтажный особнячок. Оказалось, это музей Попова. Здесь у своей сестры гостил когда-то «изобретатель радио». Теперь там огромная коллекция радиоприемников. Есть даже радиола, почти такую же привез мой дед Борис Москвин, торгпред СССР в Соединенных Штатах, возвращавшийся из Америки на грандиозном трехпалубном пароходе «Queen Mary» в октябре 1933 г.

Вот он стоит на палубе, мой бесподобный дед, в шляпе с бантом цвета темного никеля, в пальто из бостона с завышенной талией, хлястиком и манжетами. Отутюженные стрелки брюк, удобные ботинки, повторяющие контур ступни, а поверх шнуровки — изысканные гамаши светлого сукна с лямкой под каблук.

Облокотившись на борт, он придерживает на перилах пятилетнего дядю Валоу в черном котелке, словно какого-нибудь отпрыска заморского аристократа. Мой папа Лев семи с лишним лет — в двубортном пальто с отложным бобровым воротником, тоже в респектабельном котелке с перехваченной лентой тульей, в чулках и лакированных туфлях — глядит исподлобья: солнце слепит глаза. И совсем юная Мария, немка, Мария Корниловна Беккер, моя будущая бабушка, а пока их гувернантка, стоит рядом с ним.

В грузовом трюме плыли с ними в Москву три весьма габаритных предмета: раскладной кожаный диван на пружинах, холодильник и радиола.

Возможно, это был первый многоканальный приемник в Советском Союзе. Когда его включали, загорался яркий зеленый глаз. В детстве мне казалось, какой-то хищник семейства кошачьих выглядывает из радиолы — может быть, лев или ягуар наблюдает за мной изумрудною дужкой, малахитовым зрачком. Под этим пристальным взглядом начала я ходить и разговаривать. Еще там была костяная ручка с углублениями для большого и указательного пальцев, стоило ее покрутить — короткая малиновая риска двигалась вдоль горизонтальной ртутной шкалы: Прага, Лондон, Варшава, Нью-Йорк, Берлин, Париж... Заморские голоса и неведомые наречия отзывались на ее малиновое прикосновение. Или на волне Вены звучал Штраус, и дедушка Боря учил меня танцевать вальс под эту радиолу...

«Уважаемый доктор Смит*! — строчила Марджори письмо своему коллеге, когда грянул ее звездный час. — Вчера мне пришлось ознакомиться с весьма необычной рыбой. Сообщил о ней капитан рыболовного траулера. Я немедленно отправилась на судно и увидела синий плавник, выступающий из большой кучи рыб. Я быстро удалила все экземпляры с вершины кучи и обнаружила такую красивую рыбу, какую можно увидеть только во сне.

Вот моя очень приблизительная зарисовка. Надеюсь, вы сможете помочь мне определить это существо. Оно покрыто мощной чешуей, настоящей броней, плавники напоминают конечности — сплошь в чешуе до самой оторочки из кожных лучей. А каждый луч колючего спинного плавника ошетинился маленькими белыми шипами (смотрите набросок красными чернилами).

Искренне ваша М. Куртене-Латимер».

«...И возникло видение древних морей, рыб, живших в отдаленном прошлом и известных нам лишь по ископаемым окаменелостям, — написал потом в книге “Старина Четвероног” о целаканте профессор Дж. Л. Б. Смит. — Я не сводил глаз с зарисовки, пытаюсь увидеть то, о чем не мог ни мечтать, ни помыслить...»

И доктор Смит объявил мировой общественности об открытии самой древней из живущих на планете рыб, этакого чудища морского, назвав его в честь прекрасной Марджори Латимер — *Latimeria*.

Все, конечно, кинулись изучать анатомию натуральной латимерии, явно пограничного существа между водной и земной стихией — двоякодышащего и живородящего. Особенное внимание притягивали плавники, имеющие на конце подозрительные твердые лучи с мягкой подушечкой посередине.

* Джеймс Леонард Брирли Смит (1897–1968) — южноафриканский ихтиолог, химик и профессор Университета Родса. Был хранителем ихтиологических коллекций музеев на востоке Капской провинции ЮАР. Призывал жителей страны, в первую очередь команды рыболовных траулеров, выискивать необычных рыб в улове, особенно среди «сорной» рыбы. Поддерживал тесный контакт с музеями, рыбопромышленными фирмами и многими рыболовами-любителями. Вот почему мисс Латимер обратилась именно к нему. *Прим. ред.*

Плавник это, лапа, кисть или стопа? Во всяком случае именно кистеперая рыба могла стать отважным первопроходцем, который, на свой страх и риск, выбрался из океана и начал осваивать сушу! Неистовым хордовым, кому мы обязаны тем, что через миллионы лет появились наземные позвоночные.

То, что латимерия по сей день существует на свете, — сказочное чудо. Их в океане считанные единицы, ловить латимерию запрещено Вашингтонской конвенцией: статус «неприкосновенности» имеют все целакантовые, включая еще не открытые виды.

Чтобы взглянуть, как она живет в естественных условиях, Жак-Ив Кусто самолично спускался на километровую глубину засвидетельствовать ей свое почтение.

А тут, пожалуйста, в обычном железном ящике, не в жидком азоте, не забальзамированную, а *просто так* — нам присылают в Москву мертвую кистеперую рыбу.

Быть может, этот на редкость нецивилизованный ящик летел к нам в каком-нибудь рефрижераторе. А тут о нем сначала забыли, потом стали думать да гадать, что с этой тварью морской делать... В конце концов являюсь я, в ту пору внештатный репортер престижной столичной газеты (пара оптимистических репортажей, и примут в штат!), и застаю ужасную картину тления и распада.

Уже издали чую нестерпимый запах. С зажатым носом приближаюсь к мадагаскарскому ДАРУ и, главное, знаю, что не надо заглядывать в ящик, а то эта рыба потом будет сниться ночами, — бежать оттуда, бежать во все лопатки! Но — как-то неудобно при исполнении служебных обязанностей.

Два бледных криптозоолога в белых халатах ведут меня холодным лабиринтом подвала, оправдываясь наперебой, дескать, прилагали отчаянные усилия, чтобы сохранить целакантыча, да куда там! Смотрите, какой ржавый ящик.

И тут же старенький скульптор в сатиновом халате сидит на табуретке и то ли из гипса, то ли из папье-маше с натуры лепит кистеперую рыбу,

которая вскоре станет экспонатом музея. Ее и сейчас можно там увидеть. Я стояла над этим загубленным существом — настолько могучим и прекрасным, что даже в таком плачевном виде оно было великолепно. Огромный целакант, овеянный славой и легендами: колющий лучистый плавник на спине, словно гребень дракона, застывшее тело, неоновосинее, с белыми пятнами, разбросанными в беспорядке по чешуе, и — чуть ли не кисти рук, сложенные на груди.

...Я быстро шла, не оглядываясь, мимо Никитских ворот, по Тверскому бульвару к дому в Большом Гнездиновском переулке, на крыше которого провела детство. Туда я всегда прихожу, когда становится не по себе.

И гневная песнь рвалась из моего сердца — о том, что сегодня посреди Москвы в ржавом ящике железном распалась на пять изначальных элементов бытия чудом сохранившаяся с древнейших времен, возможно, последняя латимерия на планете:

«Я объявляю день памяти и скорби по нашему предку — целаканту, вынырнувшему в нижнем девонском периоде из океана и зашагавшему по земной тверди ради жизни на Земле!

Мы, люди — прямые потомки кистеперой рыбы, — не только благополучно развеяли по ветру ее таинственную способность слышать Зов Несбыточного, а услышав, поставить на карту ВСЕ, чтобы на собственной шкуре испытать то самое чудо преображения. Мы и хозяйственности никакой не нажили за эти миллионы миллиардов лет.

Хотя б успели сделать настоящий экспонат для музея! Исследовали бы ДНК, изучили бы клетку на молекулярном уровне. Скелет бы сохранили, черти! Показывали бы школьникам в экскурсии. НИ-ЧЕ-ГО!».

Так я плакала и пела, сидя на лавке на Тверском бульваре у стен отчего дома, и эту песнь, опять-таки безо всяких ограничений, напечатали в «Московской правде» — органе городского комитета Коммунистической партии.

Тут же из горкома партии главному редактору газеты пришла грозная депеша. На «ковер» вызвали заведующего отделом науки, школ и вузов, где я нештатно сотрудничала, теперь уже тщетно надеясь на зачисление в штат. Смысл письма был такой: публикация М. Москвиной вводит в заблуждение наш народ, распространяя заведомо ложные сведения, что советский человек произошел от какой-то там кистеперой рыбы, тем более африканской! В то время как МЫ произошли от обезьяны. От НАШЕЙ обезьяны!

И подпись высокопоставленного по тем временам партийного руководителя.

Наученная горьким опытом, я принялась за свою программу на радио с предельной осторожностью. Отныне — Правда, Правда, ничего кроме Правды. Как говорил мой славный друг Даур Зантария, есть такие писатели, которые пишут только о том, что видели своими глазами. Если он написал: «Из трубы вылетела ведьма на метле», — значит действительно это видел, иначе бы не написал.

Вот так я и решила действовать.

*

Достоевский говорил: когда пишешь роман, следует запастись хотя бы одним очень сильным жизненным переживанием. То же можно сказать о радиопередаче.

По-моему, радиопередача — сочетание сильного переживания и досконального знания, о чем, собственно, ты собираешься поведать миру. Нужно погрузиться в предмет до такой непереносимой степени, чтобы не мочь ни думать, ни говорить ни о чем другом. Пока ты в себе самом не услышишь гудок, я бы даже сказала, сирену: если не сейчас, то все! Тогда ты приходишь в студию и садишься к микрофону.

Это в идеале. И особенно поначалу.

Но даже съев собаку в этом деле, не стоит перед микрофоном чувствовать себя как дома — позевывающим, в пижаме и тапочках. Ты должен быть на взводе. У птицы перед взлетом повышается температура — и у нас должен быть такой энергетический накал. Его надо передать слушателю. Как говорил мой учитель поэт Яков Аким, когда пишешь стихи для детей — необходимо обрести какое-то особое состояние подтянутости, даже побриться не мешает. Вот так и тут.

Радиоприемник «Звезда-54». Мой одноклассник. Выполненный Александровским заводом в 1954 году. Красивый, словно глубоководная рыба латимерия, весь сияющий, с лучезарными глазами ламп — в окружении радиоточек, как рыба латимерия в стае трески. Это было такое время, когда на передней панели писали только города Советского Союза: Минск, Новосибирск, Ташкент, Кишинев, Ленинград, Таллин, Рига, Воронеж... А волны — длинные, средние, короткие и ультракороткие (УКВ).

Мы ощущаем напряженную сосредоточенность и в то же время удивительную свободу. Но это ощущение основано не на пустой самоуверенности («Гори оно огнем! Что-нибудь наболтаю...»), а на устремленности в эфир, как в открытый космос, откуда ты можешь не вернуться.

Слушателю это будет ясно по вибрации твоего голоса.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)